

Владимир Каткевич

Интерпол ловит щипача

Отрывок из романа «Код Артура Анатра»

Подкомиссар Лурье, являясь штатным сотрудником Морпола в Израиле, подразделения, ориентированного на борьбу с международными морскими преступлениями, лукавил. Поездка на неисторическую родину, инициированная в пожарном порядке по слезной просьбе его племянницы Фиры, бывшей жены Фармана, все-таки носила частный характер. Именно потому Пол Лурье (коллеги его обозначали Интерполом), не обрекая Фиру на дополнительные расходы, решил для экономии добираться из Одессы в Хайфу на линейном «рысачке» «Жасмин» частной доходной компании. Он заплатил щадящую сумму, получил похожий на пригласительный глянцевого билета в конверте с замысловатой аббревиатурой и страховку.

– Пароход небольшой? – спросил.

Билетная менеджерша трубно засмеялась.

– А вам надо «Титаник»? – дымя зажатой в зубах сигаретой, она выпрямила пухлую ножку и подтянула голенище мушкетерского сапога до паха.

У менеджерши был вызывающий бюст, он не помещался в зеркало на стене.

«Менеджер широкого профиля», – сострил про себя Интерпол. «Титаник» его действительно не устраивал, тем более титаники тонут. Пароход наверняка из бывших. Как сам Интерпол. Он представил, как этот тихоход обанкротившегося пароходства в Стамбуле арестуют за долги, и тогда никакая страховка не поможет.

– Каюта четырехместная, – она обезопасила себя от претензий. – А зачем суперлюкс?

– А зачем эти глаза напротив?

– Всего трое суток ехать. На борту работает бар...

– Мучиться в таких условиях можно только в один конец, чтобы не приезжать больше никогда.

– Можно и назад. Или Одесса плохой город?

– Неплохой, просто он прекратился. Он живет воспоминаниями и киносъемками. Еще революциями.

– Где вы видели в Одессе революцию? Одесса же не Майдан.

– Но евреи в этом реалити-шоу напяливают поверх ливреев вышиванки.

– Вам не одинаково?

– Московский раввин Мозе сказал: «Революцию делают Троцкие, а расплачиваются за все Бронштейны».

– Вы слишком энергетический человек!

Интерпол вспомнил, как еще студентом добирался целые сутки в Измаил на пароходе «Белинский». По пуританским советским нормам бара на борту не полагалась. Выручали колхозники, которые везли в бочонках-анкерках винопродукцию. «Пыты можно, а ходыты ни!» – нахваливали они товар. За Аккерманом «Белинский» раскачалось. и Интерпола стошнило.

В баре «Депонент» у отдела кадров пароходства безработные моряки пили пиво на запись. Из баночек зеленоватого бутылочного стекла, бокалы во всех барах разом как волной смыло. Интерпол подошел к будке по соседству с «Депонентом».

– Вам холодной водички? – спросила будочница.

– Неплохо бы.

– А как у вас с верхними дыхательными путями? Я вам дам снизу холодильника. Не будем рисковать.

– Вы внимательны, как врач.

– А я и есть врач.

Мостовую запрудила толпа моряков-бичкомберов, шла переключка очередников на зарплату.

– Колбаса! – оглашали очередную фамилию. – Номер три тысячи двести одиннадцатый. Колбаса есть? Вычеркиваю!

«Надо бы успеть колбасы купить в дорогу», – думает Интерпол.

– Денег не будет! – объявляют с балкона.

«Все по Боре Березовскому, – размышляет Интерпол. – «Деньги были, деньги будут, но сейчас денег нет».

В трамвае искусственная толчея, девушка уступила ему место, и у Интерпола испортилось настроение.

Рабочие в одинаковых фирменных костюмах с логотипом телефонной компании тянут из люка кабель, как бурлаки.

«И это называется тянуть связь», – думает Интерпол.

Трамвай останавливается напротив экипажа мореходки и оглушительно трезвонит. На путях лежит громадный, на полтонны, кованый якорь. Кадеты традиционно в честь защиты дипломов переволокли якорь от проходной и положили на рельсы. Ватманша берет железную клюку и идет поддевать якорь. Интерпол, будучи человеком деятельным, забирает у нее клюку. Дежурный офицер с бело-голубой повязкой на рукаве приводит салаг-первокурсников и командует:

– Двое на шток и двое на лапы. Якорь – вира!

Фарватер свободен, и трамвай трогается дальше.

– Не вижу на билеты! – говорит кондукторша.

Интерпол лезет в сумку за деньгами и не находит портмоне. В портмоне был билет на «Жасмин». Карманник с курткой, наброшенной на руку, пробирается к выходу, по пути еще тянется к дамской сумочке, сообщник создает давку. Интерпол перехватывает кисть щипача, заламывает привычным приемом, а когда тот оседает, пристегивает наручниками к стойке. На полу лежит конверт с билетом на пароход.

По пути стихийный блошиный рынок, на провисших между акациями веревках висит барахло. Последнее продают.

– Не бойтесь, этот костюмчик вас выдержит, – говорит женщина.

– Сталина? Я Полик Лурье.

Она его не сразу узнала. Она сидит на тротуаре напротив дома, где опер Лурье, тогда лейтенант сталинского райотдела милиции Интерпол, несколько раз ночевал.

- Что, не узнать уже, Стеллочка?
- Жизнь берет свое.
- Она берет не свое, а твое, и в этом главное противоречие бытия.

Сталина-Стелла училась на Баранова в акушерском училище. Сталина боялась темноты, и они спали при свете люстры. Точнее, она спала, а он мучился. Но хоть в тепле. Жилья не было никакого вообще, прописан был у тетки на Лазарева. В заявке на комнату писал: «Условия – дворовые». Грустная встреча. Надо что-то купить. Интерпол находит матерчатые тапочки и покупает. У него телефон исполняет мелодию «тот город, который я вижу во сне».

- Вы еще не уехали, господин Лурье? – спрашивают из «шестерки», на связи отдел по борьбе с организованной преступностью. – Вы где?

- Пока еще на этом свете.

- Большая просьба, если сможете, загляните к нам. Нужна ваша квалифицированная помощь.

«Уж не Клинка ли повязали?» – думает Интерпол.

В подвале «шестерки» сидит человек лет сорока, лицо холерное, явно не Клинка. На большом настенном экране проекция его израильского паспорта.

- Вот здесь аккуратные следы переклейки фотографии, – сотрудник указкой показывает места, хотя Интерпол уже и так их обнаружил. – Он ни бельмеса не понимает по-русски. Для какой цели он пошел на подлог?

Интерпол переводит вопрос на иврит.

- Жена не давала ему развод, и потому он не мог уехать из Израиля, – говорит Интерпол.

- А где он приобрел ксиву?

- В районе Адар ха-Кармель. Улица Герцля, офис возле Большой синагоги.

- Правильно. Не врет. Артель «Золотой ключик» именно там. Уведите.

- Я думал вы Клинка мне покажете... Что с ним?

- Если не для огласки, то след теряется на пути к порту. В порту объявлена усложненная обстановка.

– Тогда «прощай, моя Одесса, мой славный карантин». Думаю, он уже за кордоном.

Хотя «Жасмин» был приземистым пароходом, но корпус его в миделе еще больше прогнулся к воде, как круп старой перетрудившейся лошади. «Рысачок» был куда миниатюрнее, чем изображенный на обложке билета.

– Почему я не слышу команды «Экипаж – во фронт!»? – привязался к матросу у трапа подвыпивший пассажир, протягивая скомканный билет.

– Как он раньше назывался? – спросил Интерпол у матроса.

– АМ-46, – ответил тот нехотя, – он переделан с тральщика-амика.

– Корпус с кардона? – подвыпивший пассажир постучал кулаком по фальшборту.

– С бакелизированной финеры, – матрос оскорбился.

– Вилли, – представился сосед по каюте, это был тот самый подвыпивший.

– Надоело реалити-шоу, Вилли Фарман?

– Как вы догадались?

– На столике лежал ваш именной билет из артели «Золотой ключик». Я случайно его перепутал и положил в карман. Извините. Вы совсем не похожи на своего брата.

– Вы знали Марата?

– Я его спасал. Кто я, как вы думаете?

– Вы явно не принадлежите к совковому истеблишменту, а скорее наоборот.

– То есть как наоборот? И почему?

– Они не носят клубные тапочки, как у вас, и шлепают в душ в туфлях, заправляя костюмные брюки в носки. Вы больше похожи на обеспеченного пенсионера с легким криминальным прошлым.

– Вы почти угадали. Я работаю в полиции.

В каюте забористо пахло баклажанами, чесноком и пивом. Интерпол понял, что спать не придется.

Бар, как и обещала менеджерша, работал бесперебойно, не смотря на свежую погоду. Экс-тральщик шел «свиньей», зарываясь носом в свинцовые волны. Соседи колобродничали, что-то

искали, шатались от выпитого и качки, икали, хлопали дверями. Интерпол не выдержал и пошел на корму «глотануть свежачка», как говорят кочегары.

– Ночевать людям мешаешь, Семик, – выговаривал ему Вилли Фарман.

Интерпол пытался выудить из-под койки свои клубные тапочки, но вместо них нашарил шлепанцы Семика, видимо, сосед напялил его обувь.

«Кто первый встал, того и тапки!» – подумал Интерпол.

Вилли как накаркал. Из следующего углубленного крена «Жасмин» не вышел. С кормы Интерпол слышал, как зашипел воздух автоматического надува плотов. Интерпол, не раздумывая, прыгнул за борт, чтобы не засосало в воронку.

Интерпол в лазарете

Закутанный в одеяла Интерпол лежит в амбулатории грузового теплохода «Капитан Кадецкий». Качает по-взрослому, без передышек. Накал в лампочке усиливается.

– Кажется, Лукойл запустил движок, – говорит доктор Фосфин. – Ну, как?

– Как я жив-нездоров? Терпимо, доктор.

– У вас лицо покраснело. Я положу вам вторую подушку, чтоб был отток крови от головы.

– Спасибо, док! В Одессе это называется более слаже.

Фосфин нашаривает на полке пузырек с химической формулой, наливает в разовый стаканчик.

– Рекомендую принять для согрева.

– От афтершока? А вы, доктор? Не привык в одиночку.

– Я не употребляю.

– А по просьбе присоединяющегося к большинству, как говорят американцы? Вдруг это моя последняя воля.

– Вы не умирающий.

– А если у меня откажут почки? Тем более что они уже отказывали без переохлаждения.

Фосфин щупает живот Интерпола.

– Ой-ц!

– Здесь болит?

– Доктор, в моем возрасте всегда где-то болит. Давайте лучше освежимся из фунфырика.

– Вы не дружили с зеленым змием?

– Я дружу с зеленым чаем. Зеленый змий заискивал со мной, но это было давно в молодости. Я тогда пил алиготе, не касаясь верхней губой горлышка. Правда, в этой стране змий снова начал за мной охотиться. Неделю назад я вдохновлялся фальсифицированной водкой в вип-кунге.

– Зачем рискуете? Это же смертельно опасно.

– Согласен. Рывок на финишной прямой – это лишнее. Но прапорщик Добридень хотел мне сделать цимес.

Фосфин допивает из своей персональной кружки остатки биокефира и наливает спирта.

– Вы агрессивный экстраверт, – говорит больному.

– За то, чтоб мы не дождали умереть! Зий гизунд!

Закусывают польским огурцом из баночки.

– А сколько вам лет? – интересуется Фосфин. – Да вы совсем салага, вы моложе меня на три года!

– А выгляжу на десять лет старше. Вы это хотели сказать? Да, как в песне: «Жизнь коротка, спят облака...». Пора в моем возрасте обзавестись редкой болезнью Альцгеймера, как Рейган, а я все моржую.

Заглядывает старпом Мунтян.

– Чиф, на процедуры зайдете после развода, – говорит Фосфин.

– После развода Босфор.

– Тогда после Босфора. У меня ургентный больной.

Старпом, хромая, уходит.

– Вот он ваш ровесник, – говорит Фосфин. – Средний возраст по судну пятьдесят четыре года.

– У вас тут геморройленд. А среднее артериальное давление? Когда я в молодости выпивал, то мне снились просто кошмары, а теперь смотрю вещие кошмары.

Интерпол погружается в рыхлый сон. Ему снится спецоперация на Греческой площади, куда младшего лейтенанта угро Лурье послали в засаду с сержантом Фунфырченко. На веранде

появляется убийца, рецидивист Иродов, которого ловят, здоровенный детина. «Идиоты, – думает младший лейтенант угро Лурье, – разве можно было посылать на захват без табельного оружия?».

– Мусорок, дай закурить! – Иродов тянется к пустой кобуре, где у Лурье лежит пачка «Беломора». Интерпол вскрикивает и просыпается.

Фосфин слышит, как больной вскрикивает во сне. На переборке размытая фотография «Самбора». Зыбкая видимость, мелкий противный снег сеет. И матросы, согнувшись, как бурлаки, тащат шланги линии для перекачки с судна топлива.

В летнюю навигацию возили по Севморпути топливо всех наименований, в том числе и авиационный керосин для воинских подразделений на Земле Франца-Иосифа.

Матросам по приходу приходилось монтировать линию перекачки от 3 до 5 километров. Температура топлива была положительной, лед под шлангами подтаивал, и линию перекладывали по несколько раз. Секции шлангов тащили, передвигаясь по глубокому снегу мелкими шажками. Разъемы «папа-мама» стыковали на колене, потом жаловались, что колени болят. Фосфин снова не умещался в рамки задач, обозначенных в санитарном институте транспорта, и потому придумал войлочные наколенники и ледоступы. Машинная команда смастерила из листовой стали ледоступы с шипами. Их разрешалось надевать только вне судна, чтоб не высечь искру. Матросы в ледоступах бегали и даже прыгали.

«На севере присутствует риск психологического ожидания опасности, – писал в отчете Фосфин, – скажем, угнетает боязнь провалиться в полынью и погибнуть. Возможно нападение тюленей, белых медведей».

Медведей подманивали к борту судна сгущенкой, заранее прокалывая банки, чтоб звери не мучились и не пугали матросов. Медведицы приводили лакомиться детенышей. Убегая от белого медведя, моторист Разувайло угодил в полынью. Фосфин вытащил парня из объятий костлявой. Правда, медблок «научника» «Самбор» был оснащен по предпоследнему слову, а здесь у него анальгин и самодельный парафин для старпома Мунтяна.

И сам он по судовой роли низвергнут до должности матроса.
За лекарство добавили сто зеленых – гримаса рынка.

– Чем-то пахнет, доктор, – Интерпол ворочается.

– Мы везем минудобрения, а уплотнения трюмов изжеваны.
В трюма попала забортная вода.

Эта самая забортная вода вращается в иллюминаторе, пейзаж,
как в стиральной машине. Амбулатория на нижней палубе. При
увлажнении удобрений выделяется газ, именем которого экс-
доктора прозвала команда – фосфин.

«Не хватало еще отравиться».

